

Фольклор: традиционные формы

УДК 82-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-166-185

Семантическое развитие слов в эпическом нарративе: на примере обозначений моря в «Беовульфе»

Евгения В. Кравченко

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, zheniakravchenko@gmail.com*

Аннотация. В нарративе выделяется ключевое слово (или слова), выражающее основную мысль эпизода. Остальные синонимы, как правило, семантически сближаются с ключевым словом. Целый ряд употреблений одного синонима, в том числе в качестве первого компонента композита, прочерчивает сюжетную нить, пронизывающую нарратив. Особенно ярко такие опорные для развертывания стихотворного текста слова, на которых строится нарратив, контрастируют на фоне малоупотребительных лексем, принадлежащих периферии синонимической системы. Заметим, что сюжетную линию «ведут» только самые частотные отмеченные аллитерацией слова, предпочитающие позицию первой основы композита. При этом возможная потеря денотативных различий в результате синонимизации в данной позиции компенсируется сюжетной нагруженностью слова в нарративе. В стихотворном тексте появляются смысловые сгустки, происходит семантическая интенсификация повествования. Возможно также образование семантической оппозиции между синонимами, в соответствии с которой группируются другие единицы синонимической системы. Самое важное семантическое изменение, мотивированное сюжетом, наблюдается у слова *mere*, значение которого расширяется в результате эпизации ('озеро' → 'море'). Об этом преобразовании свидетельствует взрыв в употреблении композитов с первой основой *mere*- в центральных эпизодах «Беовульфа».

Ключевые слова: древнеанглийский эпос, «Беовульф», нарратив, аллитерационный стих, синонимическая система, семантическое изменение

Для цитирования: Кравченко Е.В. Семантическое развитие слов в эпическом нарративе: на примере обозначений моря в «Беовульфе» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4, ч. 2. С. 166–185. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-166-185

© Кравченко Е.В., 2022

Semantic development of words in epic narration. The use of synonyms for *sea* in *Beowulf*

Evgenia V. Kravchenko

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
zheniakravchenko@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of synonyms denoting the sea in 'Beowulf'. The author analyses the synonyms which express the main idea of episodes, as well as other units of synonymic clusters, which are semantically close to the key word. Of particular interest for the author are those lines in which the key synonym (frequently used as the first element of a compound) outlines the plot of the narrative. The key words essential for the poetic text comprise the basis of the narrative and form a sharp contrast with the lexical units which (owing to their rare use) constitute the periphery of the synonymic system. The plotline is marked by the most frequently alliterating key words, which tend to be used as the first element of a compound. Weakening of distinctions in denotative meaning of first elements in compounds is compensated by the added function of marking the plotline. Successions of synonyms within the poem form semantic clusters whose function consists in intensifying meanings imparted by the narrative. Key synonyms can enter into semantic oppositions, in accordance with which other units of the synonymic system can be grouped. The most crucial semantic transformation essential for the plot affects the word *mere* whose meaning changes from 'lake' to 'sea' in epic narration. The semantic shift results in the intensive use of compounds with *mere-* as the first element in the central episodes of *Beowulf*.

Keywords: Old English epic, *Beowulf*, narrative, alliterative verse, synonymic cluster, semantic transformation

For citation: Kravchenko, E.V. (2022), "Semantic development of words in epic narration. The use of synonyms for *sea* in *Beowulf*", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, part 2, pp. 166–185, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-166-185

Системная организация поэтической лексики выражается в стихотворной речи в особом употреблении слов, принадлежащих одной синонимической системе. В нарративе происходит их функциональное взаимодействие, получающее семантическую мотивацию внутри эпической темы [Лорд 1994]. Следует заметить, что в поэтическом языке (ПЯ) денотативные значения синонимов могут сохраняться; однако семантическая соотносительность слов, принадлежащих единой системе, не исчерпывается их первичными денотативными значениями, но строится на новом системном основании и воплощается в формулах. Иногда внутри темы проис-

ходит переосмысление (оно совершается в поэтической речи), и тогда первичные денотативные различия не сохраняются, при этом у слова появляется своя функция в нарративе. Семантическое развитие слова происходит в эпической теме и получает оправдание в сюжете. Как слово участвует в эпической теме? Проанализируем отношения между словами, включенными в синонимическую систему *море*, в их динамичном развитии в нарративе «Беовульфа».

Исследуя характер соотношения семантических и метрических моделей в эддической поэзии, Е.М. Мелетинский уделяет внимание повторам и характерной трансформации формул, при варьировании которых «происходит замена отдельных слов синонимами, порой меняется порядок слов и грамматическая форма» [Мелетинский 1968, с. 329]. Но слово не всегда является синонимом, поскольку это только потенция его развития в ПЯ. В древнеанглийском эпосе синонимическая система *море* включает около 20 лексем (из них самые употребительные *sǣ, mere, lagu, brim, sund, wæter, flōd, holm, ŷð, strēam*), среди которых не только наименования моря, но и слова, обозначающие иные, но связанные с морем реалии и в определенном контексте сохраняющие свое денотативное значение, отличное от семантики головной лексемы *sǣ*. Принадлежа единой синонимической системе, они подчиняются присущей ей внутренней иерархии. Основное семантическое противопоставление внутри системы восходит к делению интересующих нас лексем в германских языках на обозначения воды как потока, с одной стороны, и обозначения стоячей воды или моря – с другой.

В древних германских языках отсутствует индоевропейское название реки как ‘потока’ (*лат. amnis, дирл. ab* ‘поток’), и для наименования реки начинает употребляться слово со значением ‘вода’ (*лат. aqua* ‘вода’, ср. г. *aħa*, двн. *aħa, ди. á, да. ēa* ‘река’; ср. также *ди. ægir* ‘море’, *æger* ‘бог моря’), в котором выступает индоевропейский корень **(e)k^[h]*-, имеющий также глагольное значение ‘пить (воду)’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 670–671]. Название ‘моря’, в свою очередь, обнаруживает семантическую связь с названием ‘озера’ или других водоемов в разных индоевропейских диалектах: «При этом в исторических индоевропейских диалектах наблюдается процесс обновления терминов, обозначающих ‘море’, и появление новообразований в значении ‘моря’, основанных на более древних словах, обозначавших значительно более мелкие водоемы со стоячей водой – ‘озера’, ‘пруды’, ‘болота’ и др. Это видно при сопоставлении слов со значением ‘море’ в одних диалектах при значениях ‘озеро’, ‘болото’, ‘пруд’, ‘вода’ – в других» [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 672]: *лат. mare, дирл. muir* ‘море’; *ст.-слав. морє*; г. *marei, двн. maŕ, meŕ* (*нем. Meer*); ср. *ди. mar* ‘море’, ‘озеро’ и *да. mere* ‘море’,

‘озеро’, ‘пруд’. Также есть композит г. *marisaiws* ‘озеро’, ‘море’¹ и германская инновационная лексема г. *saiws* (изначально название заболоченной территории) ‘болотистая местность’, ‘озеро’, ‘море’ (ср. *ду. sær, да. sæ* ‘море’). В готском переводе Евангелия море Галилейское (*marei Galeilaias*), или Геннисаретское озеро, обозначается словом г. *saiws* (Лука 5:1–2), а также композитом г. *marisaiws* (Лука 8:22, 23, 33). Таким образом, обе лексемы первоначально имели значение ‘болото’, ‘озеро’, которое потом расширилось до ‘море’.

Как представляется, в эпосе фиксируются не только «промежуточные случаи – значение ‘море’ наряду со значением ‘озеро’, ‘болото’, отражающие переходный этап в семантическом сдвиге: ‘болото’, ‘стоячая вода’, ‘озеро’ → ‘море’» [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 673], которые засвидетельствованы в одной части «древне-европейских» диалектов (в частности в германских языках), но и сам механизм развития у слова другого значения – вместо ‘озеро’, ‘болото’ – ‘море’: *ду. marg* ‘море’ (поэт.)²; *да. mere* ‘озеро’, (поэт.) ‘море’³. Причины семантической подвижности этих слов заложены в архаическом сознании, а грамматика фиксирует разграничение значений. В готском и древнеисландском оба слова м. р. (г. *marei, saiws*; *ду. marg, sær* ‘море’)⁴, а в древнеанглийском *mere* и *sæ* хоть и принадлежат i-основе м. р., но у *sæ* наблюдается колебание м. и ж. р., при этом, возможно, происходит лексикализация ж.р. в значении ‘озеро’⁵. В немецком, напротив, за словом м. р. *der See* закрепилось значение ‘озеро’, а за словом ж. р. *die See* – значение ‘море’ для северных морей (*die Nordsee* Северное море, *die Ostsee* Балтийское море) наряду с синонимом ср. р. *das Meer* для южных морей (*das Mittelmeer* Средиземное море, *Schwarzes Meer* Черное море).

В данной работе мы исходим из того, что «архаическая семантика в древнеанглийском поэтическом словаре не является простой «окаменелостью», но сохраняется лишь в силу включения в семантические оппозиции, значимые для поэтики памятника» [Гвоздец-

¹*Lehmann W.P.* A Gothik etymological dictionary. Based on the 3d edition of *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache* by Sigmund Feist. Leiden: E.J. Brill, 1986. P. 245, 292.

²*Jónsson F.* *Lexicon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis*. København, 1966. S. 394.

³*Beowulf and the Fight at Finnsburg* / Ed. with introduction, bibliography, notes, glossary, and appendices by Fr. Klaeber. 3d ed. Boston, 1950. P. 373.

⁴*Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern* / Hrsg. von G. Neckel. II. *Kurzes Wörterbuch* von Hans Kuhn. 3. Umgearbeitete Aufl. Heidelberg, 1968. S. 136, 199.

⁵*Beowulf and the Fight at Finnsburg*. P. 389.

кая 2000, с. 30; ср. Смирницкая 1994, с. 102–103]. Существование слова, сохранившего более древнюю семантику, особым образом преломилось и продлилось в эпосе, где ПЯ представлен в своей динамике в виде сложенных синонимических систем, в отдельных случаях демонстрируя путь слов к уничтожению денотативной дифференциации в аллитерационном стихе. Вместе с этим семантическое противопоставление, включающее названия воды как потока, стоячей воды и моря, как мы увидим, мотивируется самим сюжетом «Беовульфа».

В эпической поэзии синонимы предрасположены к плотному нанизыванию в нарративе. Большое скопление семантически близких лексем внутри эпической темы можно назвать «парадом» синонимов. Употребление сходных по значению слов тесными рядами в стихотворном тексте выполняет сюжетную функцию, маркируя наиболее значимые моменты эпического повествования. Именно здесь проявляются системные семантические связи между синонимами, и вместе с тем актуализируются их денотативные различия, существенные для развития сюжета. Если сказать иначе, сгущаются не только сами события, но и лексико-семантическая ткань нарратива. «Парад» синонимов является эпическим приемом, который имеет целью привлечение внимания к кульминационным поворотам сюжетной линии. Эпическая вариация, в основе которой лежит синтаксически смоделированное построение, принимает участие в «параде» синонимов в качестве своего рода завершающего приема, предполагающего сближение слов внутри формул, укладываемое в период как обязательное условие своей реализации в стихотворном тексте (на синтаксическом, морфологическом и метрическом уровнях). «Парад» синонимов охватывает несколько периодов внутри эпической темы, при этом не исключается разнообразие синтаксических связей.

Напряженность в развитии повествования получает выражение в концентрации семантически сходных лексем внутри эпической темы. Казалось бы, скопление синонимов должно замедлять повествование, но при этом происходит качественная замена ткани нарратива: акцент смещается с событийного ряда на выявление деталей, развитие сюжета сменяется описанием, ход мыслей переключается на выделенные стихом семантические взаимосвязи лексем. Иначе говоря, развитие действия сообщается стиху с помощью словесной игры и уплотнения синонимических рядов, приводящего не к ускорению плавного хода повествования в его эпическом разворачивании, а к повышению экспрессивности и семантической насыщенности поэтического текста с целью усиления эмоционального воздействия. Рассмотрим на примере нескольких эпизодов «Беовульфа», как

в нарративе системное взаимодействие синонимов моря приводит к закреплению за ними сюжетных линий и функций, выявлению коннотаций, важных для драматического развития сюжета, и проявлению семантической многомерности повествования.

Открывает повествование эпическая тема похорон Скильда, в начальной строке которой употребляется форма претерита от глагола *gewītan*: 26 *Him ðā Scyld gewāt / tō gescāphwīle* «настал тогда для Скильда назначенный час»⁶. Эпизод похорон Скильда весь пронизан описанием морского путешествия и делится на две части, где представлены статичная и динамичная картина мира, при этом упомянутый глагол *gewītan* маркирует границу между частями эпической темы (см. ниже). В первой части для описания моря наряду с поэтическим обозначением моря *brim* употребляются очень редкие слова *farōð* и *hūð*, а во второй части преобладают употребительные синонимы (*flōð*, *ūð*, *holm*), и закрывает эпическую тему поэтический композит *gārsecg*. Значение названных лексем раскрывается с разворачиванием эпического повествования.

Итак, сначала в эпизоде похорон Скильда употребляется поэтическое обозначение моря *brim* ср. р. (ср. *du. brim* ср. р. 'прибой', 'море'⁷), которое становится ключевым в статичной картине, представленной в первой части данной эпической темы, при этом особое значение здесь получает семантика среднего рода. В контексте ритуала море *brim* становится фоном, перемещаются только люди. Сначала совершается сам ритуал похорон, где все происходит по чину; действия выполняют дружинники Скильда: 28–29b *hī hyne þā ætbæron / tō brimes farōðe / swāse gesīpas* «они его тогда предали течению прибоа, верные сподвижники». Слово *brim* употребляется здесь в качестве косвенного атрибута очень редкого слова *farōð*, не имеющего ясного значения ('бег волн', 'волна', 'берег'⁸), ср. также перевод В.Г. Тихомирова: 28b *tō brimes farōðe* «[несли] на берег моря»⁹. Поэтизм *farōð* встречается трижды только в первой части «Беовульфа»¹⁰, при этом его употребление ограничивается

⁶ Текст «Беовульфа» цит. по: Beowulf and the Fight at Finnsburg.

⁷ Vries J., de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E.J. Brill, 1961. S. 56.

⁸ Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon dictionary based on the manuscript Collection of the late Joseph Bosworth / Ed. by T.N. Toller. Oxford: Oxford University Press, 1975. P. 271.

⁹ Текст «Беовульфа» в переводе В.Г. Тихомирова цит. по: Беовульф: Эпос / Пер. с др.-англ. В. Тихомирова. СПб.: Азбука-классика, 2008.

¹⁰ «Беовульф» имеет двухчастное строение (см.: Kiernan K.S. The dating of Beowulf. Michigan: University of Michigan Press, 1996. 328 p.).

функцией локатива. Отмечая у него колебание м. и ср. р., Клэбер дает значения ‘течение’, ‘море’ и указывает на этимологическую связь с глаголом движения *faȝan*, ср. созвучное обозначение берега *waȝod* м. р.¹¹ Море, на котором стоит корабль, статично: 32 *ƿær æt hȳde stōd / hringedstefna* «там у бухты стоял корабль» (ср. перевод В.Г. Тихомирова «корабль на отмели»). Слово *hȳd* ‘бухта’ ж. р. (а. *hythe* (*устар.*)), также в гидронимах) встречается в «Беовульфе» единственный раз, встраиваясь в ряд других локативных конструкций с синонимами моря¹².

Вот «любимые слуги» (перевод В.Г. Тихомирова) принесли тело славного вождя к берегу моря, уложили его у мачты и погрузили на лоно корабля доспехи, оружие и сокровища. Но тут текст словно обрывается на границе между краткими строками, и начиная с 42-го стиха статичная картина стоящего корабля и похоронного ритуала сменяется движением морской стихии. Море становится несущимися волнами, стихией, которой предназначено унести вождя в неведомое пространство: 41b–42 *ƿā him mid scoldon // on flōdes æht / feor gewītan* «<сокровища>, которые с ним должны были во власти потока прочь уплыть» (ср. перевод В.Г. Тихомирова: *on flōdes æht* «по воле течений»). Трансформация статичной картины в динамичную сопровождается семантическими изменениями. Так, глагол *gewītan*, употребленный теперь не в переносном (по отношению к ходу времени), как в начале эпической темы (26a), а в прямом значении, выражая перемещение в пространстве корабля, который удаляется в мир иной, отмечает переломный момент повествования. Этот глагол имеет особую значимость для нарратива, он маркирует начало эпической темы, ср. первую строку темы морского путешествия с инверсией и превербом в анакрузе: 217a *Gewāt ƿā ofer wāġholm* «поплыл тогда по взволнованному морю <корабль>».

Контраст статичной и динамичной картины сопровождается актуализацией семантики рода. Роль ключевого слова переходит от инактива *brim* ср. р. к обозначению потока *flōd* м. р., активная семантика которого подхватывается включением в текст слов *ŵd* ‘волна’ (ж. р.), *holm* ‘бурное море’ (м. р.) и *gārsecg* ‘океан’ (м. р.). Во второй части эпической темы море не инертно, оно является движущей силой повествования. Корабль с телом вождя его слуги передают во власть потока, и тут возникает знаменательная смычка

Формульный язык и синонимическая система моря во всем своем объеме представлены в первой части.

¹¹ Beowulf and the Fight at Finnsburg. P. 327, 419.

¹² Ibid. P. 363.

с таинственным явлением Скильда из-за моря. Смерть Скильда возвращает повествование к его младенчеству, ведь будущего вождя младенцем принесли волны: 45b–46a *forð onsendon // ænne ofer yðe* «вперед послали одного по волнам». В приведенном контексте у глагола *sendan* актуализируется древнее ритуальное значение (предположительно «приносить в жертву»), ср. в эддических «Речах Сигдривы» руны «рассылают во все стороны» *senda á víða vega* (Sd 18)¹³. Затем начинается погружение в тайну смерти, и вот море уже несет вождя в мир иной: 48b–49a *lēton holm beran, // gēafon on gārsecg* «дали морю нести, предали океану». При этом, возможно, происходит олицетворение морской стихии. Так, сложное слово *gārsecg* (букв. «копье-муж») предположительно является именем Нептуна¹⁴, а в завершающем эпическую тему стихе употребляется вопросительное местоимение *hwā* «кто» в форме м./ж. рода: 50b–52 *Men ne cunnon // secgan tō sōðe, / selerædende, // hæleð under heofenum, / hwā þāem hlæste onfēng* «Мужи не могли сказать истину, советники в палатах, герои под небесами, кто этот груз принял».

В нарративе превращение статичной картины в динамичную передается и на метрическом уровне. Если для ритуального действия в первой части темы характерно метрическое разнообразие, при котором один тип стиха сменяется другим, то динамичное повествование воплощается в строках с преобладающим А-стихом¹⁵:

42	on flōdes æht	feor gewītan.	B	A
43	Nalæs hī hine læssan	lācum tēodan,	aA	A
44	þeodgestrēonum,	þon þā dydon,	A	C
45	þē hine æt frumsceaft	forð onsendon	C	A
46	ænne ofer yðe	umborwesende.	A	A
47	þā gýt hīe him āsetton	segen g(y)denne	aA	D
48	hēah ofer hēafod,	lēton holm beran,	A	C
49	gēafon on gārsecg ;		A	

Как видим, начиная со строки 42b сплошь употребляется А-стих (также с анакрузой aA), и лишь в редких случаях происходит чередование с С-стихом. Так, в строке 48b новое действие («дали морю нести, предали океану») выражается С-стихом, а строка 49а снова переходит на А-стих. В формулах, которые метрически укладываются

¹³ Jónsson F. *Lexicon poeticum antiquæ linguæ septentrionalis*. København, 1966. S. 601.

¹⁴ Beowulf and the Fight at Finnsburg. P. 338.

¹⁵ Основные акцентные схемы краткой строки (КС) по «системе пяти типов» Э. Зиверса, см.: [Смирницкая 1994, с. 15–16].

ются в А-стих, заполняя двухвершинную КС, наиболее очевидна лексическая ассоциация, как в аллитерационной коллокации 46a *ænne ofer yðe* «одного по волнам»¹⁶. Но в приведенном отрывке А-стих выражает стремительное движение, в котором море становится продолжением человеческих действий, воплощающих ритуал: 49a *gēafon on gārsecg* «предали океану».

Итак, в эпической теме похорон море представлено парой ключевых синонимов: *brim* ‘прибой’, (поэт.) ‘море’ и *flōd* ‘поток’. В нарративе сближение слов *brim* и *flōd*, имеющих сему подвижности, фиксируется в позиции косвенного атрибута: 28 *hī hune rā ætbæron / tō brimes faroðe* «они его тогда предали течению прибоя» (В.Г. Тихомиров 28–29a «Тело несли его / слуги любимые // на берег моря»); ср. 41b–42 *scoldon // on flōdes æht / feor gewītan* «должны были во власти потока прочь уплыть» (В.Г. Тихомиров 41b–42a «будет скитаться / по воле течений»). Перевод В.Г. Тихомирова передает основное для данной эпической темы противопоставление ‘море’ – ‘поток’, подчеркивающее различие грамматического рода. Семантика поэтического наименования моря *brim* ср. р., создающего фон повествования, контрастирует здесь с обозначением потока *flōd* м. р., уносящего вождя в мир иной.

В эпической теме «похороны Скильда» сигматические (фонетически сильные) формы генитива частотных слов *brim* и *flōd*, составляющих основу синонимической системы, выделяются на фоне локативных обозначений моря, выраженных редкими словами (*hūð* ‘бухта’, *gārsecg* ‘океан’), находящихся на ее периферии, или наименованиями морских реалий (*yð* ‘волна’), ср. атрибутивный комплекс, заполняющий КС (28b *tō brimes faroðe*, 42a *on flōdes æht*), с одной стороны, и предложные сочетания (*æt hyðe, ofer yðe, on gārsecg*) – с другой. Море, принесшее в державу данов будущего вождя, имеет ключевое значение в ритуале отправления его в последний путь, представая как стихия, соединяющая земной и иной миры. Будущего вождя младенцем принесли волны: 45b–46a *forð onsendon // ænne ofer yðe* «вперед послали одного по волнам». Контраст начала и конца жизненного пути вождя фиксируется противопоставлением обозначений моря, выраженными словоформами единственного и множественного числа: *yðe* ‘волны’, с одной стороны, и *brim* ‘прибой’, *faroð* ‘течение’, *hūð* ‘бухта’, *flōd* ‘поток’, *holm* ‘бурное море’, *gārsecg* ‘океан’ – с другой. Так, словоформа *yðe* ‘волны’ как символ жизненных сил, принесших младенца, в эпизоде

¹⁶ *Watts A.Ch.* The Lyre and the Harp. A comparative reconsideration of oral tradition in Homer and old English epic poetry. New Haven: Yale University Press, 1969. P. 82.

похорон контрастирует с остальными обозначениями моря. Иначе говоря, многообещающие «волны» жизненного пути противопоставлены единичности и неизбежности подводимого итога в конце жизни, когда ничего нельзя изменить. Несмотря на отмеченную контрастность употребления слов, принадлежащих одной синонимической системе, во всех приведенных примерах море подхватывает человеческие действия (особенно в стихе 48b *lēton holm beran* «дали морю нести», где оно является семантическим субъектом), проявляя свою активность и значимость для развития сюжета. В целом описание похорон Скильда, в отличие от других эпизодов, связанных с морской стихией, обращает на себя внимание отсутствием композитов с синонимом моря в качестве основы.

Самым динамичным в отношении семантического развития синонимов моря является рассказ о состязании юного Беовульфа и Бреки в открытом море, представленный в двух вариантах: в виде произнесенной на пиру в Хеороте уничижительной речи Унферта и ответа Беовульфа. При единстве сюжетной линии и общности лексического материала, наполняющего их речи, противоположное отношение говорящих к описываемым событиям выражается, в частности, в особом употреблении синонимов моря. Состязание Беовульфа и Бреки представляет море в двояком плане, при этом раскрывается значение слов: денотативные различия часто сохраняются, но переосмысливаются внутри темы и формульной системы, наблюдается игра смыслов. Сравним эти контрастирующие по своему настроению речь Унферта и ответ прибывшего с дружиной Беовульфа.

Речь Унферта начинается с пренебрежительного упоминания об этом происшествии: 506–510a *‘Eart þū sē Bēowulf, / sē þe wið Breccan wunne, // on sīdne sǣ / ymb sund flite, // ðær git for wlence / wada cunnedon // ond for dolgilpe / on dēop wæter // aldrum nēþdon?’* «Ты и есть тот Беовульф, который с Брекой состязался, в широком море соревновался, где вы из удали воды извели и хвастовства ради в глубокой воде жизнь испытывали?» Унферт произносит каноническую формулу *on sīdne sǣ* (ср. 2394a *ofer sǣ sīde* «за широким морем»), выполняющую роль своего рода заставки, а потом сразу снижает значимость состязания. Заметим, что атрибут *sīd*, являющийся единственным эпитетом у основного обозначения моря *sǣ*, употребляется также для описания щита: 325b *sīde scyldas* «широкие щиты», 437b *orðe sīdne scyld* «или широкий щит», ср. также композит *sīdrand* «широкий щит» (1289b). Слово *sǣ* включается в звукословесную связь с формулой щита, аллитерируя с эпитетом в ее составе: 325 *setton sǣmēpe / sīde scyldas* «поставили, утомленные морем, широкие щиты». Формульный язык словно готовит к

схватке, но уже со следующей строки начинается предумышленная, подготовленная Унфертом дискредитация темы и самого мероприятия. Если сначала говорится, что Беовульф состязался с Брекой в плавании *on sīdne sǣ* «в широком море», то далее происходит сужение этого пространства.

Слово *sund* имеет два значения: 1) 'плавание' (507, 517) и 2) (поэт.) 'море', 'вода'¹⁷. Ян де Фрис добавляет также 'пролив', отмечая, что это узкое место, где может проплыть лодочник¹⁸. В данной эпической теме проявляется неоднозначность этого слова, ср. двусмысленность строки, где соединяются оба значения: 507 *on sīdne sǣ / ymb sund flite* «в широком море в плавании состязались». Взаимодействие слов *sǣ* и *sund* выделено аллитерацией на уровне долгой строки (ДС). Обозначение моря *sǣ* в составе атрибутивного комплекса с постоянным аллитерирующим эпитетом *sīd* звучит в начале речей как общепринятая истина, которая, однако, тут же подвергается сомнению со стороны Унферта, и это переосмысление, происходящее благодаря ловкому распределению синонимов, составляет основное содержание речи антипода Беовульфа.

В следующей строке событийное пространство, охватываемое в описании Унферта, продолжает сужаться, а само состязание между Брекой и Беовульфом представлено как бессмысленный заплыв. Так, море называется *wada* «воды» (отметим, что это слово употребляется в форме мн. ч. и при этом сближается со словом *wæter* 'вода' (ср. уточнение Клэбера в словарной статье к *wæd*: «в форме мн. ч. имеет значение ед. ч.»¹⁹). По мнению Унферта, из бахвальства не стоило лезть в воду и напрасно рисковать жизнью. Намеренное преуменьшение значимости события подхватывается параллельной синтаксической конструкцией со словом *wæter* (508–510a *ðær git for wlence / wada cunnedon // ond for dolgilpe / on dēop wæter // aldrum nēpdon* «где вы из удали воды извели и хвастовства ради в глубокой воде жизнь испытывали»), которое становится обозначением моря в составе выражающего насмешку атрибутивного комплекса *on dēop wæter* (при этом эпитет помещается в позицию ключевой аллитерации), коррелируя с начальным предложным словосочетанием *on sīdne sǣ* «в широком море», обозначающим место действия. Если употребление слов *wada* и *wæter* в параллельных синтаксических конструкциях, где аллитерацией фиксируется насмешка Унферта над бессмысленным барахтаньем в воде (*wlanc* «удаль» – *wada* «воды», *dolgilp* «хвастовство» – *dēop wæter* «глубокая вода»),

¹⁷ Beowulf and the Fight at Finnsburg. P. 403.

¹⁸ Vries J., *de. Op. cit.* S. 561.

¹⁹ Beowulf and the Fight at Finnsburg. P. 418.

подчеркивает их семантическое сходство, то синтаксическое подобие словосочетаний *on sīdne sǣ* «в широком море» и *on dēop wæter* «в глубокой воде», укладывающихся в КС, напротив, усиливает контрастность употребления слов одной синонимической системы и делает более явным их размежевание на семантическом уровне. Динамика данных квазисинонимов может быть представлена в виде такой последовательности: 507a *on sīdne sǣ* «в широком море» – 507b *ymb sund flite* «сореуновался в умении плавать» (перевод В.Г. Тихомирова (508); ср. 512b *on sund rêon* «в проливе поплыли») – 508b *wada cunnedon* «вóды изведали» – 509b–510a *on dēop wæter aldrum nēþdon* «в глубокой воде жизнь испытывали». На этом противопоставлении значений строится словесная игра в речи Унферта, а его насмешка над состязанием в плавании отражает взгляд стороннего наблюдателя, который видит лишь происходящее на водной поверхности.

Согласно рассказу Унферта, непослушные юноши бросили вызов стихии и, несмотря ни на какие уговоры, отправились в сулящий беду заплыв, который в действительности обернулся безрассудным и опасным для жизни предприятием: 510b–512 *Nē inc ænig mon, // nē lēof nē lāð, / belēan mihte // sorhfullne sīð, / þā git on sund rêon* «Никто – ни друг, ни враг – не смог отговорить вас от опасной затеи, когда вы в проливе поплыли». Унферт употребляет глагол *gōwan* ‘плыть’, ‘гresti’ (пр. вр. *rēon*), подчеркивая, что они гребут руками (ср. а. *to row* «гresti веслами»²⁰): 513–515a *þær git ēagorstrēam / earmum þehton, // mæton merestræta, / mundum brugdon, // glidon ofer gārsecg* «тогда вы морское течение руками ударяли, мерили морские пути, кистями размахивали, скользили по океану». Акцент на «руки» при указании на греблю помогает поэту выразить мысль о неправдоподобии самого происшествия, которое, видимо, и имеет в виду Унферт. В его речи одно за другим следуют редкие обозначения моря (слова *gārsecg* и *geofon*, аллитерирующие на границе периодов), выделяя кульминацию рассказа, при этом плотность нанизывания синонимов возрастает до трех в пределах ДС: 515–516a *glidon ofer gārsecg; / geofon y̆pum wēol, // wintrys wylm[um]* «<вы> скользили по океану; море волнами бурлило, зимы волнениями». Слово *geofon* выполняет функцию субъекта, имеющего при себе косвенное дополнение *y̆pum*, которое в свою очередь выступает в качестве главного члена эпической вариации. Отметим объединение синонимов по грамматическим признакам: пара слов *gārsecg* и *geofon* в форме ед. ч. скрепляется аллитерацией, а сближение слов *y̆p* и *wylm* в форме д. п. мн. ч. отмечено приемом эпической вариации. Слово *wylm*

²⁰ Bosworth J., Toller T.N. Op. cit. P. 690.

(букв. «волнение») втягивается в синонимическую систему моря в качестве варианта слова *ŷþ*, при этом внутри периода аллитерацией очерчиваются связи, отмечающие принадлежность последнего словообразовательному гнезду глагола *weallan* 'покрываться волнами' (форма пр. вр. *wēol*), который словно предвосхищает его употребление, задавая аллитерацию в последующей ДС.

Системное взаимодействие синонимов фиксируется внутри композиций, формул, в составе эпической вариации и параллельных конструкций. Так, слова *flōd* и *wæter* семантически противопоставлены в формулах 42a on **flōdes** *æht* «во власти потока», 516b on **wæteres** *æht* «во власти воды» (здесь генитивная конструкция укладывается в КС с синонимом моря на аллитерирующей вершине). В функции косвенного атрибута очевидно сохранение денотативного значения опорного слова эпической темы: значение слова *flōd* 'поток' важно в описании похорон Скильда, а употребление слова *wæter* 'вода' передает насмешку Унферта над состязанием Бреки и Беовульфа. Иначе говоря, внутри формулы, заполняющей В-стих, происходит денотативное размежевание слов *flōd* и *wæter*, обусловленное различным эмоциональным содержанием самих эпических тем.

В широком море Унферта вода хоть и глубокая, но словно лишена жизни, а стихия предстает как водная толща, захватившая удальцов: 516b Git on **wæteres** *æht* «вы во власти воды <плавали>». Если в насмешках акцент делается на обозначение моря как воды *wæter*, то ключевым словом в развитии сюжета рассказанной Унфертом истории становится слово *sund*. Оно трижды повторяется в пределах 10 строк, неизменно занимая позицию ключевой аллитерации, обозначая то ли 'пролив', то ли 'плавание', и эта «игра смыслов» важна для речи Унферта: 507 on *sīdne* **sæ** / ymb **sund** *flite* «в широком море в плавании соревновались», 512b *pā* git on **sund** *geōþ* «когда вы в проливе поплыли», 517b *hē* *pē* æt **sunde** *oferflāt* «он тебя в плавании опередил». Глагольное сочетание с предложным локативом заполняет С- или В-стих, укладывающийся во II КС, где слово *sund* помещается на первую вершину. Унферт высмеивает напрасность приложенных усилий со стороны Беовульфа, уступившего победу Бреке (517b–518a *hē* *pē* æt **sunde** *oferflāt*, // *hæfde* *māre* *mægen* «он тебя в плавании опередил, у него было больше сил»). По версии Унферта, победителя Бреку «бурное море вынесло <на берег>» **holm** *up* *æt* *bær* (519b). Цель Унферта – унижить Беовульфа, поставив, таким образом, под сомнение его готовность к героическим свершениям.

Беовульф дает пространственный ответ своему антиподу (ср. речь Унферта 506–528 и ответ Беовульфа 530–606, т. е. 23 и 77 строк соответственно), словно «сотканный» из его речи. Местами речь

Беовульфа как будто вторит речи Унферта: 512b *þā git on **sund** rēon* «когда вы <оба> в проливе поплыли», ср. 539b *þā wit on **sund** rēon* «когда мы <оба> в проливе поплыли»; *aldrum nēþdon* «жизнь испытывали» (510a, ср. 538a). Вместе с тем Беовульф варьирует и обыгрывает фразы Унферта: в речи Унферта 507a *on sīdne **sæ*** «в широком море», ср. частичный повтор предложного сочетания *on **sæ*** в ответе Беовульфа 544 *Ðā wit æt somne / on **sæ** wæron* «тогда мы вместе были в море»; в речи Унферта 509b–510a *on dēop **wæter*** // *aldrum nēþdon* «в глубокой воде жизнь испытывали», ср. в ответе Беовульфа 537b–538a *þæt wit on **gārsecg** ūt* // *aldrum nēðdon* «что мы в океане жизнь испытывали». Смысл этого сближения, как представляется, заключается в словесной игре, где формульные атрибутивные комплексы, в которых проявляется насмешка Унферта, когда он, начиная с формулы 507a *on sīdne **sæ*** «в широком море», тут же снижает смысл происходившего 509b *on dēop **wæter*** «в глубокой воде», превращаются в выражения 537b *on **gārsecg** ūt* «в океане» и 544b *on **sæ** wæron* «были в море», утверждающие высокий смысл этого отважного предприятия. При всем подобии лексического материала эпическое повествование в своем разворачивании расставляет акценты таким образом, что события получают совсем иное освещение в устах героя. Иначе говоря, благодаря своеобразной организации нарратива словесная игра получает особый смысл, поэтому важны средства передачи семантического контраста.

Основное различие в описании событий связано с изображением моря в дальней (в речи Унферта) и ближней (в ответе Беовульфа) перспективе. Унферт как сторонний наблюдатель выражает «внешний» взгляд на происходящее, называя море широким и глубоководным (507a *on sīdne **sæ*** «в широком море», 509b *on dēop **wæter*** «в глубокой воде»), но охватывая своим взором лишь поверхность, по которой скользят упрямые пловцы (515a *glidon ofer **gārsecg*** «скользили по океану»). Море Унферта безжизненное, в ответной же речи Беовульфа море «оживает»; являясь участником заплыва, он погружается в особый мир стихии, заселенный живыми существами.

Попытаемся выявить динамику переосмысления слов на примере лексемы *mege* в составе композитов. Перебранка героев в эпизоде первого пира при дворе Хродгара вся пронизана формульными выражениями, которые имеют отношение к теме морского путешествия. Так, в начале пира утверждается истина, что Беовульф «отважный мореход» 502a *mōdges merefaran*. В композите *merefara* «мореход» синоним *mege*- в качестве первой основы является общим наименованием моря, космогоническое значение которого еще не раскрылось. Затем в речи Унферта композитом *merestræt* «морская

дорога' (514a) обозначен путь удальцов – прямой и без преград (ср. *лат.* *via strata* «мощеная дорога», см. [Гвоздецкая 2010, с. 347]), а Беовульф называет свою «удаль в плавании» **merestrengo** букв. «морская сила» (533a). Сложные слова с первой основой *mere-*, маркирующие сюжетную линию героического сражения с морской нечистью (549a **merefisc** 'морская рыба', 558a **meredēor** 'морской зверь'), проходят красной нитью с самого начала эпизода. Выделяясь на фоне существительных с первой основой *sǣ-*, служащих описанию «декораций» (564b **sǣgrunde** *nēah* «у морского дна», 571 *þæt ic sǣnæssas / gesēon mihte* «так что я прибрежные скалы увидеть смог»; ср. также исходную локативную конструкцию 544b *on sǣ wæron* «были в море»), последовательность композитов на *mere-* ведет в мир, заселенный чудовищами, т. е. здесь слово *mere* уже играет своими хтоническими смыслами.

Употреблением слова *mere*, в том числе в составе композитов, отмечено не только описание состязания с Брекой, но и эпизод подводной битвы в обиталище Гренделя и его матери, где у *mere* происходит трансформация значения. Перебранка с Унфертом оказывается своего рода прологом к ожидающему героя сражению с «морским женочудищем» **merewīf** (1519a). Важно, что здесь, в речах, сказанных на пиру у Хродгара, выстраиваются смысловые связи, потенции слова *mere*, которым предстоит далее стать ключевыми. Заметим, что сюжетная линия, закреплённая за словом *mere* в качестве первой основы, в этой эпической теме фиксируется звуко-смысловой связью внутри укладывающегося в отягощенный А-стих атрибутивного комплекса с аллитерирующим эпитетом (558a **mihtig meredēor** «<забрал> могучего морского зверя») и далее ведет к теме сражения с матерью Гренделя (1519a **merewīf mihtig** «<почуял> морское женочудище могучее»). Иначе говоря, композиты с первой основой *mere-*, аллитерируя с эпитетом **mihtig** 'могучий', маркируют обладателей недюжинной силы (нечеловеческой мощи) – представителей хтонического мира, с одной стороны, и отважного Беовульфа – с другой. Существенно, что море здесь представлено не только как пространство, но и в скрытой от антипода героя «хтонической перспективе». Вопреки помыслам Унферта, в эпизоде плавания с Брекой Беовульф раскрывается как героическая личность. Первичное денотативное значение 'озеро', 'болото' превращается в коннотативные смыслы, играющие в этом эпизоде и сопровождающие понятие 'море'.

Слово *sǣ* не играет такими смыслами, ведь в древнеанглийском оно возвышается до обозначения морской стихии (хотя в готском у него значение 'море' тоже развилось из 'озеро', 'болото'). Для эпоса релевантно, что герой появляется из-за разделяющего державы

моря *sǣ*, а угроза для Хеорота исходит от чудовищ, населяющих локус *mere* с неподвижной водой²¹: 1362b *þæt se mere standeð* «<недалеко отсюда> это озеро находится» (букв. «стоит»), ср. также 1416b *wæter under stōd* «вода под ними <деревьями> стояла». В описании обиталища Гренделя и его матери слово *mere* перемежается с обозначениями болота *fen* и *mōr* (103–104a, 162a, 710a; 1295b, 1348b, 1405a), при этом слова *mere* и *mōr* являются этимологически родственными (соответственно нормальная и продолженная ступени аблаута; ср. а. *moor* ‘вересковая пустошь’).

Особенности денотативного значения наименований моря, сохраняющего свою актуальность в эпическом повествовании в «Беовульфе», не противоречат сближению в значении ‘море’ контрастирующих обозначений локусов *sǣ* ‘море’ и *mere* ‘озеро’, и это сближение значимо для развертывания сюжета. Сам процесс их синонимизации наблюдается в теме состязания с Брекой. При этом у слова *mere* появляется та же космологичность в семантике, что и у слова *sǣ*. Об этом свидетельствует взрыв употребления композитов с первым компонентом *mere-* в составе атрибутивной конструкции. В нарративе процесс синонимизации данных лексем совершается на словообразовательном уровне, т. е. конвергенция происходит *под влиянием* сложных слов и распространяется на простые слова. Материалом, который служит общим основанием для смешения композитов с первыми компонентами *sǣ-* и *mere-*, становятся атрибутивные комплексы, заполняющие А-стих с отягощением. Композит с аллитерирующим эпитетом укладывается, как правило, в двухвершинную строку: 1426a *sellice sǣdracan* «чудные морские драконы», 1510b *sǣdēor monig* «множество морских зверей», 1519a *merewīf mihtig* «морское женочудище могучее» (ср. в речи Беовульфа о состязании с Брекой 558a *mihtig meredēor* «могучие морские звери»). Важно, что интерференция (конвергенция) с формулами, включающими композиты на *sǣ-*, происходит в А-стихе. Мы видим, как трансформация значения воплощается в стихотворной форме, которая «несет на себе многослойные напластования смысловых ассоциаций» [Гаспаров 2003, с. 4]. Возможно, смысловые трансформации слов в поэтической речи, которые имеет в виду М.Л. Гаспаров, здесь соединяются с изменениями в поэтическом языке, как их

²¹ В германских языках основа **mor-/*maγ-*, как правило, имеет значение ‘море’, но в древнеанглийском эпосе «Беовульф» словом *mere* поэт. ‘озеро’ (а. *mere*) обозначается жилище чудовищ, обитающих в заболоченной местности [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 672–673], см. также: Bosworth J., Toller T.N. Op. cit. P. 679.

подразумевает концепция О.А. Смирницкой, ср. «системное двуединство “стих ↔ язык”»²².

Приведем и другие примеры, которые введены в систему благодаря своей формульности: 564b **sǣ**grunde nēah «у морского дна», 1624b **sǣ**lāce gefeah «морской добыче радовался», 1449a **sē** þe **mere**grundas / menga scolde «тот <шлем>, что морское дно возмутить должен был», 2100b **mere**grund gefēoll «на морское дно пал». Подтверждением семантического уравнивания слов **sǣ** и **mere** являются композиты с одинаковым вторым компонентом: **sǣ**grund (564b) и **mere**grund (1449a, 2100b) ‘морское дно’, **sǣ**dēor (1510b) и **meredēor** (558a) ‘морские звери’, **sǣ**līþende (377b) и **merelīðende** (255a) ‘мореплаватели’.

Противопоставление слов **sǣ** и **mere** играет знаменательную роль внутри самого эпоса, предваряет битву героя с матерью Гренделя. Для Беовульфа, который познал морскую глубину во время плавания с Брекой, locus **mere** имеет космологическое значение. В результате эпизации семантическая трансформация **mere** происходит через героя в эпической теме битвы с чудовищем. Два измерения морского пространства неразделимы, создаются условия для аттракции разных слов. Так, в речи Унферта, где море **sǣ** представлено как фон, на котором происходит развитие действия, встречаются только два сложных слова, включающих синоним моря в качестве основы (513a **ēagorstrēam** ‘морское течение’ и 514a **merestræta** ‘морские дороги’), по контрасту с преобладающими одноосновными словами, принадлежащими синонимической системе моря (девять синонимов: **sǣ** ‘море’, **sund** ‘пролив’, ‘плавание’, **wæd** ‘вода’, **wæter** ‘вода’, **gārsecg** ‘океан’, **geofon** ‘море’, **ŷð** ‘волна’, **wylm** ‘волнение’, **holm** ‘бурное море’). В ответе Беовульфа синонимы моря употребляются почти так же часто в составе композита (девять случаев: **merestrenge** ‘морская сила’, **flōdŷð** ‘морская волна’, **merefisc** ‘морская рыба’, **meredēor** ‘морской зверь’, **sǣ**grund ‘морское дно’, **ŷðlāf** ‘берег’ (букв. «морской след»), **brimlīðend** ‘мореплаватель’, **sǣnæs** ‘морской мыс’, **ēgstrēam** ‘морское течение’), как и в виде отдельных слов (11 синонимов: **ŷð** ‘волна’, **gārsecg** ‘океан’, **sund** ‘пролив’, ‘плавание’, **holm** ‘бурное море’, **sǣ** ‘море’, **flōd** ‘поток’, **wæd** ‘вода’, **ford** ‘брод’, **brim** ‘прибой’, поэт. ‘море’). Изобилие подобных композитов создает картину «погружения» героя в море, умножения *морских реалий*. При этом в сюжете формируется оппозиция слов **sǣ** и **mere** в составе композитов, т. е. первый компонент семантически дифференцируется в повествовании, прочерчивает сюжетную линию.

Речи Унферта и Беовульфа коррелируют, но в ответе героя появляется другая семантическая надстройка, предвосхищающая его

²² Смирницкая О.А. *Op. cit.* С. 424.

славный подвиг. Так, у Беовульфа слово *sæ* обозначает не только локус (как в строке 544b *on sæ wæron*), но становится субъектом, выражая силу, движущую развитием повествования. При этом приеме эпической вариации фиксируется сближение слов *sæ* и *flōd*, получается некий недифференцированный смысл, где соединяются значения 'море' и 'поток', так как для сюжета важна активная роль моря: 579b–581a *Ðā mec sæ opbær, // flōd æfter faroðe / on Finna land* «Тогда меня море унесло, поток по течению, к земле финнов».

Если в речи Унферта ключевым является слово *sund*, маркирующее заплыв Бреки и Беовульфа (преодоление расстояния вплавь), а в его насмешках акцент делается на обозначение воды *wæter*, то в ответе Беовульфа ключевым становится не встречающееся у его антипода слово *flōd* (поток как символ героического характера). При этом слова *wæter* и *flōd* выступают в паре с малоупотребительным словом *wæd*, которое можно отнести к периферии синонимической системы. На его примере со всей очевидностью прослеживается семантическая подвижность синонима, примыкающего то к одному, то к другому ключевому слову эпической темы. Так, в насмешках Унферта слово *wæd* сближается с обозначением воды *wæter*, выполняя функцию прямого дополнения в составе параллельных конструкций в пределах одного периода: 508–510a *ðær git for wylence / wada cunnedon // ond for dolgilpe / on ðeop wæter // aldrum nēpdon* «где вы из удали воды извели и хвастовства ради в глубокой воде жизнь испытывали». В ответе Беовульфа оно дважды воспроизводится в сочетании с аллитерирующим эпитетом *weallende* «бушующие» и при этом в обоих случаях выступает как эпический вариант слова *flōd* «поток»: 545b–546a *op þæt unc flōd tōdrāf, // wado weallende* «пока нас поток не разделил, воды бушующие», 580–581a *flōd æfter faroðe / on Finna land // wadu weallendu* «<унес> поток по течению к земле финнов, воды бушующие». Важно также отметить, что синонимизация происходит в форме мн. ч. *wadu/wado*, которая занимает первую вершину D-стиха с распушением. Сходное семантическое развитие происходит и у слова *brim* (570b *brimu swaþredon* «прибойные волны улеглись»), отмеченного в качестве синонимической пары к *flōd* в начале повествования (описание похорон Скильда).

В речи Беовульфа возникает образ моря как сочетание потока и волн, фиксируемый композитом *flōdyð* 'морские волны': 542a *flōdyðum feor / flēotan meahte* «<не мог> дальше меня по морским волнам уплыть». В свою очередь, обозначение волны *yð* сближается в его ответе с обозначением бурного моря *holm*, при этом синонимы в локативной функции в составе аллитерационной коллокации помещаются на вторую вершину A-стиха: 534a *earfeþo on*

ƿrum «[владел] усердием на волнах», 543a **hrafog on holme** «[не мог уплыть] быстрее по морю». Укладывающиеся в I КС формулы образуют микросистему, являясь характеристиками Бреки; ср. в речи Унферта слово **holm** также употребляется в отношении Бреки (519b **holm up ætbæg** «море вынесло»), отрицая превосходство Беовульфа в состязании.

В эпической теме, как мы видим, происходит актуализация архаичной семантики и игра смыслов, что предполагается своеобразным древнегерманского аллитерационного стиха. Без этого невозможно поэтическое повествование, на этом держится создаваемое им эмоциональное напряжение. Преобразование значения отражает соединение присущей ПЯ статике синонимической системы с динамикой развертывания повествования. Сближающиеся в нарративе слова варьируют свое значение и употребляются по-разному, проявляя синтаксические и морфологические характеристики, сходные с синонимом, к которому они примыкают. Иначе говоря, синонимизация подтверждается поэтической формой (большую роль играет, в частности, тип стиха). При этом, как мы могли убедиться, сближение слов в нарративе может происходить при сохранении их денотативных различий, к которым внутри эпической темы добавляются новые оттенки значения, обусловленные развертыванием повествования. В скоплениях синонимов актуализируются сюжетные линии, которые способствуют росту эмоционального напряжения путем детализации описания.

Литература

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 ч. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
- Гаспаров 2003 – *Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.
- Гвоздецкая 2000 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова: опыт текстоцентрического анализа: Дис. ... д-ра филол. наук. Ивановский гос. ун-т. Иваново, 2000. 392 с.
- Гвоздецкая 2010 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Концепт «путь» в поэтическом творчестве англосаксов (VII–XI вв.) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен: материалы и исследования / Отв. ред. Т.Н. Джаксон. М.: Индрик, 2010. С. 345–361.
- Лорд 1994 – *Лорд А.Б.* Сказитель / Пер. с англ., коммент. Ю.А. Клейнера, Г.А. Левинтона. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с.

- Мелетинский 1968 – Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 367 с.
- Смирницкая 1994 – Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М.: Филология, 1994. 481 с.

References

- Gamkrelidze, T.V. and Ivanov, V.V. (1984), *Indoeyropeyskiy yazyk i indoevropeytsy: rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European languages and the Indo-Europeans. A reconstruction and historical and typological analysis of a proto-language and a proto-culture], in 2 vols. Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia.
- Gasparov, M.L. (2003), *Ocherk istorii yevropeyskogo stikha* [A history of European versification], Fortuna Limited, Moscow, Russia.
- Gvozdetskaya, N.Yu. (2000), “A problem of semantic description of an old English poetic word (experience of text-based analysis)”, Ph.D. Thesis (Philology), Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Gvozdetskaya, N.Yu. (2010), “The concept of the way in the Anglo-Saxon poetic art”, in *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Yevropy – 2009: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyy fenomen* [The oldest states of Eastern Europe – 2009: transcontinental and local ways as sociocultural phenomenon], Indrik, Moscow, Russia, pp. 345–361.
- Lord, A.B. (1994), *Skazitel'* [The singer of tales], Publishing company “Oriental literature” RAS, Moscow, Russia.
- Meletinskii, E.M. (1968), “*Edda*” i ranniye formy eposa [Edda and early epic forms], Nauka, Moscow, Russia.
- Smirnitckaya, O.A. (1994), *Stikh i yazyk drevnegermanskoy poezii* [The verse and language of old Germanic poetry], Filologiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Евгения В. Кравченко, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; zheniakravchenko@gmail.com

Information about the author

Evgenia V. Kravchenko, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119234; zheniakravchenko@gmail.com